

ЭМИЛИЯ ВИТКОВСКАЯ

НЕБЕЖНОЕ
СЛУЖЕНИЕ

ПРОРОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эмилия Витковская
Небесное служение. Пророк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Витковская Э.

Небесное служение. Пророк / Э. Витковская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Я не смогла сбежать из монастыря и, возможно, никогда не смогу. С каждым днем Пророк становится все опаснее. Его безумие пропитано кровью, и если я не буду осторожна, эта кровь будет моей. Несмотря на растущий риск, я все еще продолжаю поиски истины, даже несмотря на то, что они могут привести меня к Адаму. В его темных глазах – чувство вины. Я знаю, что под личиной монстра скрывается душа, но до нее так трудно добраться. Когда я приехала сюда, я знала, что мне придется сражаться, но не понимала, что война будет идти на многих фронтах. Содержит нецензурную брань.

© Витковская Э., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Далила.

Еще одна капля воды падает мне на лицо. Я вздрагиваю.

Кап... кап... кап...

Голоса. Далекие человеческие голоса, но я не понимаю, о чем они говорят. Впрочем, это не удивительно: они вовсе не люди, а монстры.

Кап...

Я знаю, что сейчас упадет капля воды.

Как давно я здесь? В этом месте нет времени, я не могу его измерить. Должен был пройти как минимум день, может, два.

Мои руки и ноги связаны, голова привязана к доске, во рту кляп, закрепленный натянутой цепью. По крайней мере, я так думаю. Я увидела это до того, как погас свет, и я осталась в такой крошечной темноте, что мне кажется, что меня похоронили заживо.

Я не могу повернуть голову. Идеальная цель для капающей воды. Мой затылок онемел давным-давно, и мне интересно, будет ли он плоским, когда я выберусь отсюда. Если выберусь.

Кап...

– Блядь! – Я пытаюсь кричать, но не издаю ни звука. Единственное движение здесь – это падение капель в центр моего лба. Вода скатывается с моих висков и затекает в уши. Я зажмуриваюсь, но когда закрываю глаза, вижу его. Адам. Он поймал меня и привез в камеру пыток. Я не знаю, что случилось с другими девушками, которые пытались сбежать, и не могу перестать думать о том, что со мной происходит.

Кап...

Снова появляется Адам, заталкивает меня в кузов белого грузовика и держит железной хваткой, пока какой-то парень везет нас через территорию.

– Они собираются причинить тебе боль. – Его шепот мне на ухо на удивление нежен, хотя это он жестоко заключил меня в клетку. – Не ломайся. Обещай мне, что не сломаешься. Не позволяй им разорвать тебя. – Он вздыхает и прижимает меня еще сильнее. – Я бы отпустил тебя, ягненок. Если бы только я был там в лесу один. Я бы тебя отпустил. Даже если бы я пожалел об этом, даже если бы это убило меня.

Я дрожу, понимая, что грузовик везет меня навстречу еще более мрачной судьбе. Мое горло свело судорогой, и я едва могу понять его слова, а тем более ответить.

– Я буду ждать. – Он целует меня в волосы, когда мы останавливаемся у невзрачного шлакоблочного здания без окон. Адам стоит в дверном проеме, когда кто-то хватается за меня сзади и тащит, пинает и кричит, в этот новый ад.

С тех пор я здесь. Никакой еды. Никакой воды, кроме случайных брызг, которые время от времени просачиваются сквозь кляп. Как долго человек может обходиться без воды? Похоже, мне следовало лучше учиться в колледже. Может, я это знала, а потом забыла.

Я пытаюсь заснуть, чтобы это кошмарное место исчезло.

Кап...

Каждый всплеск холода будит меня.

Адам. Я вижу его лицо каждый раз, когда сознание возвращается ко мне. Когда я впервые увидела его ночью у костра, его темные глаза впитали меня и забрали гораздо больше, чем я когда-либо собиралась предложить. Его вес на мне. Ощущение его губ на моей коже. Намек на человека под маской чудовища.

Кап...

Только чудовище могло привести меня в это мрачное место. Я была идиоткой, полагая, что он может быть кем угодно, кроме того, кем он является – сыном Пророка. Я для него всего

лишь жертвенный агнец. Ничего более. «Куда это ты собралась, ягненок?» Его голос звучит у меня в голове, и я пытаюсь разглядеть тьму вокруг себя. Но его здесь нет.

Крики разрывают воздух и умирают. Звуки мучений приходят и уходят, как летние мухи, приземляясь и кусаясь, а затем улетающая.

Кап...

Мои мысли мчатся и кружатся, я стремительно впадаю в отчаяние. Воспоминания вспыхивают у меня в голове, как огонь. Еву схватили раньше меня. Сюзанна оказалась в ловушке на вершине забора, колючая проволока впивалась в ее тело, пока она боролась. Но, возможно, Сара сбежала. И Честити тоже. Она почти добралась до вершины, когда Адам схватил меня. Пламя надежды оживает, но... кап... оранжевый свет гаснет под сокрушительным весом воды.

Я плыву по бесконечному морю, засыпая на пороге следующей волны. Но я не могу туда добраться. Сколько бы раз томный океан не успокаивал меня и не обещал покой, он не может мне этого дать. Только не здесь, в удушающей темноте с монотонными каплями воды. Кто знал, что такая простая вещь может свести человека с ума? Сухой смех застрелит у меня в горле, когда я подумываю написать письмо в «Небесное служение» об их тактике пыток. Хихиканье превращается в крик, и я не могу сказать, влага на моих ресницах – это слезы или брызги воды.

Кап... Кап... Кап...

Пытаться ослабить пути бесполезно, но иногда я делаю это, просто чтобы немного размять конечности. У меня болит плечо в том месте, откуда я вырезала трекер. Но у меня ощущение, будто на рану наложили швы. Я не могу вспомнить, что произошло сразу после того, как меня сюда привезли. Я помню только эту комнату, это пустое черное пространство.

Кап...

Интересно, есть ли у меня в руке новенький трекер? Не то чтобы им это нужно. Я в доме священника и никогда отсюда не выйду.

Шум... Может, шаги? Я стремлюсь к звуку, надеясь на отсрочку. Может, Адам наконец пришел за мной?

Что-то скрипит и свет проникает внутрь.

Я моргаю снова и снова, мои глаза болят, привыкая к не такой уж полной темноте.

– Приведите ее! – приказывает женский голос.

Грубые руки сжимают мои запястья, и я вздыхаю, когда оковы ослабляются. Старшая Сестра, Грейс, лицо которой скрыто в тени, развязывает мои ноги, пока кто-то другой вынимает кляп. Я облизываю губы, язык как наждачная бумага. Я вытираю воду с висков и ушей, затем слизываю ее с пальцев. Я уверена, что никогда не пила такую вкусную воду.

Рывком меня отрывают от стола и тащат в коридор, цементный пол холодный и мокрый под моими босыми ногами. Грейс хватается за другую руку, и две Сестры проводят меня мимо комнат, двери которых закрыты. За ними скрываются тайны, которые я не могу узнать. Я с трудом могу держать голову, а ноги, кажется, утратили свои функции.

Сестры не возражают, тащат меня к открытой двери в конце коридора. Они заносят меня внутрь и бросают к ногам Пророка. Изношенный ковер отделяет меня от холодного бетонного пола, а Пророк сидит в мягком кресле темно-красного цвета. Я искоса смотрю на него. Он добродушно улыбается мне и отмахивается от Сестер. Они закрывают дверь, когда выходят.

– Мое дорогое дитя. – Он наклоняется и нежно приподнимает мой подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза. – Что они с тобой сделали? – Он изучает мое лицо, затем опускает взгляд ниже. Морщинки у его рта становятся глубже. – Грейс! – Его крик заставляет меня подпрыгнуть.

Дверь за мной открывается:

– Да, Пророк?

– Разве я не говорил тебе относиться к этому нежному ребенку Бога как к священной женщине? – рычит он.

– Да, Пророк.

– Немедленно принесите ей воду и еду!

Это театр. Он хорошо знает, что со мной происходит в этом месте. Он поместил меня сюда. Он мог бы освободить меня, если бы захотел.

– Да, Пророк.

Проходит всего несколько секунд, прежде чем Грейс ставит рядом со мной поднос. Фрукты, вода, маленькие бутерброды, нарезанные треугольниками – все это соблазняет меня. И это работает. Я не могу удержаться от искушения, хотя знаю, что еда отравлена.

– Ты благословенна среди моих Дев, Далила. Выбрана. Драгоценна. Чтима превыше всех. – Он гладит меня по волосам, когда я беру стакан воды и жадно пью. – Не жадничай. – Он забирает у меня из рук стакан. – Мы не хотим, чтобы ты заболела. Попробуй виноград.

Я беру ягоду. Зная, что в ней наркотик. Но я так голодна, что мне все равно. Я съедаю гроздь винограда, затем пью еще воду, а Пророк все время гладит меня по волосам.

– Я знаю твое сердце, дорогая. Я знаю, что ты никогда бы не попыталась покинуть безопасность Монастыря, если бы не змея, сбившая тебя с пути.

Я пью еще и съедаю бутерброд. Мне кажется, внутри сэндвича спрятана радуга, но я не вижу ее, только чувствую ее энергию. С каждым съеденным кусочком я наполняюсь цветом.

– Она будет наказана и очищена, пока змей не перестанет жить в ее сердце. – Он улыбается мне, и я не могу не ответить.

– Ты в безопасности, Далила. Я сохраню тебя от всякого вреда. Господь дал мне тебя как святой дар, которым я буду дорожить.

Я киваю, потому что то, что он говорит, правда. Свет, стекающий с его пальцев, говорит мне, что он настоящий Пророк. И еда тоже дает мне свет. И все из-за него.

– Спасибо, Пророк. – Я кладу голову ему на колени, а он гладит меня по спине.

– Ты на правильном пути. – Он сует мне в рот еще одну виноградину, его пальцы задерживаются на моих потрескавшихся губах. – Господь доволен тобой.

– Это все благодаря Вам. – Кажется, что виноград танцует на тарелке, вибрируя от положительной энергии. Я беру еще пригоршню ягод, люблюсь тем, как они раскачиваются и блестят.

– Я должен идти, моя дорогая. Он встает, и я беру его за руку. – Но я вернусь, чтобы проверить тебя. – Наклонившись, он целует мою корону.

– Оставайтесь, – умоляю я и пытаюсь схватить его за штанину.

– Скоро, дитя мое. Увидимся очень скоро. Он уходит, унося с собой обжигающую энергию.

Когда он выходит из комнаты, свет становится тусклым, и я хочу следовать за ним, но не могу сдвинуться с места. Не знаю, как долго я остаюсь там, думая о нем, прежде чем дверь открывается.

Грейс здесь с другим Сестрами, их палки подняты.

Мои крики, кажется, исходят из чужих уст, когда меня тащит обратно в бесконечную тьму.

Глава 2

Адам.

Три дня. Она пробыла там уже целых три дня, и никто мне ни черта не говорит.

– Ты слушаешь меня, сынок? – Отец щелкает зажигалкой и сильно затягивается сигаретой.

– Да. – Я пытаюсь расслабить плечи и выглядеть беспечным. – Девы возвращаются в строй.

– Возвращаются. – Он позволяет последнему слову повиснуть в воздухе. – Но. – Звучит как выстрел. – Нам нужно обсудить Крейга. Как Защитник Сары, он виноват во всем произошедшем. Дев наказывают, но ему пора столкнуться с последствиями.

Наконец, мы с отцом хоть в чем-то согласны. Крейг – гребаное животное, и он заслуживает ада.

– Что ты для него приготовил? – У меня тоже много идей.

– Хлыста недостаточно, но крест – слишком сурово. – Он стучит костяшками пальцев по столу.

– Река? – спрашивает Ной робким голосом, предлагая пытки.

Отец улыбается:

– Я думаю, это нормально. – Он поворачивается ко мне. – Нам также нужно обсудить твое наказание, Адам.

Я не реагирую. Я думаю, что готов принять еще несколько ударов плетью. Если Дева не слушается, и особенно если она доходит до попытки сбежать, ее Защитника наказывают. В глазах моего отца мы не выполняем свою работу. К настоящему времени девушки должны быть сломлены, и у них нет духа, кроме одного, служащего Пророку.

– Тоже река? – Я встречаю его ледяной взгляд.

– Сначала я думал, что кнут – лучшее для тебя. – Он делает еще одну паузу. – Но потом я понял, что тебе нужно немного больше.

– Палки с гвоздями? Может, позволишь крысам грызть мои пальцы рук и ног? – Я надеюсь, что один из вариантов правильный. Что бы он ни планировал, я хочу, чтобы это сделали со мной. Но блеск в его глазах говорит мне, что все пойдет не так.

– Привести ее! – Его голос рассекает воздух.

Кастро открывает дверь офиса, заталкивая мою мать внутрь. Мы с Ноем вскакиваем.

Ной начинает:

– Папа, ты не можешь...

– Сядь, черт возьми, Ной! – Его рев пугает моего брата, но не меня.

Я смотрю на него.

– Это ее не касается.

– Все, что связано с тобой, касается ее. Мой отец щелкает пальцами, и моя мать семенит к нему, умоляюще глядя на меня. Она не хочет, чтобы я вмешивался. Как всегда, она пытается защитить меня. Сломанная нога, многочисленные синяки и шрамы никогда не мешали ей защищать меня и Ноя.

– Не надо. – Я сжимаю пальцы в кулаки и шагаю к столу.

Сталь вдавливается в основание моего черепа.

Мой отец ухмыляется.

– Если он двинется, нажми на курок.

– Да сэр. – Кастро сильнее прижимает дулом, хватая меня за плечо свободной рукой и толкает в кресло.

Мои ногти впиваются в кожу ладони.

– Кастро, я обещаю тебе. Однажды на моих руках будет твоя теплая кровь. И я не могу дождаться, черт возьми.

– Посмотрим. – Он все еще дерзкий. Но скоро я позабочусь о том, чтобы он перестал дышать.

– Рэйчел, любовь моя. – Мой отец хватает ее за руки и притягивает к себе. Ной корчится на стуле, и Кастро пинает его ногой.

– Двинешься, и я тебя пристрелю.

– Пророк. – Она не смотрит ему в глаза.

– Ты скучала по мне?

– Я скучаю по мужу, да. – Ее слова сильны, хотя он столько раз пытался сломить ее дух.

– Хочешь это доказать? – Он делает еще одну затяжку и выпускает дым ей в лицо.

– Как?

– Если ты говоришь правду, тебе не причинят вреда. Но если ты не в полном послушании, боюсь, это будет больно. – Он хватает ее за руку и задирает рукав ее белой рубашки.

Она не шевелится. Когда он прижимает горящую сигарету к коже с внутренней стороны руки, она издает тихий звук, но проглатывает его.

Кастро крепче сжимает мое плечо. Из всего того, что мой отец делал в его присутствии, вот что его беспокоит?

– О, Рэйчел. – Он вытаскивает сигарету и зажигалку. – Ты все-таки солгала. Ты не скучала по мне. Ты не в полном послушании. Вот почему это больно. Но моя дорогая... – он пытается нахмуриться, но не может, его радость при мысли о человеческой боли слишком велика, – ты знаешь, мне это больнее, чем тебе.

Успею ли я выхватить пистолет Кастро до того, как он спустит курок? Смогу ли я убить его, а затем своего отца, не вызвав других Защитников? Мой разум работает, отчаянно пытаюсь решить уравнение, а моя мать вздрагивает. Запах ее обожженной кожи портит воздух, когда отец снова и снова прижигает ее. Ной бьет костяшками пальцев по подлокотнику своего кресла, и я ничего не могу сделать, только смотреть.

Я много лет знал, что убью своего отца. Но я не знал, как скоро это произойдет. В последний раз, когда он истязал мою мать, я был слишком молод, слишком потрясен, чтобы что-то с этим поделать. Она все еще хромает из-за невылеченного перелома. Когда он уничтожил Веру, я был слишком потерян в горе, чтобы обратить свой гнев наружу. Но на этот раз все по-другому. Теперь я знаю, что мне нужно делать – для моей матери, для Ноя, для Веры и для Далилы.

И скоро сделаю это.

***

В доме священника темно, снаружи стоит охранник с автоматом. Я брожу среди ближайших деревьев, все мои чувства настроены на это темное здание, где страдает Далила. Три дня и три ночи мучений. Блядь.

Я прислоняюсь к старой сосне, когда что-то пронесется сквозь кусты примерно в десяти ярдах от меня. Луна выглядывает из-за быстро движущихся облаков, затем снова исчезает, унося с собой свет.

Спасти ее – не вариант. Только не с вооруженной охраной, находящейся в состоянии повышенной готовности. Попытка побега – хотя и не первая – была единственной, которая почти увенчалась успехом. Все больше мужчин патрулируют территорию, а Монастырь контролируется еще сильнее. Больше не будет ночных рывков за свободу. Кулак моего отца сжимается вокруг этого места, душит всех, кто находится внутри под любовью и руководством Пророка.

Фары пронзают ночь, и я обхожу дерево, чтобы спрятаться. Проезжает белый «Range Rover» и останавливается рядом с домом священника. Мой отец выходит и направляется к входу, охранник спешит открыть ему дверь.

Не знаю, чем занимается мой отец, пока он здесь, но могу догадываться. Больше наркотиков, больше обещаний, скатывающихся с его языка. Я просил Далилу не ломаться, но, глядя на здание из шлакобетона без окон, я пытаюсь оценить ее шансы остаться в здравом рассудке. Она сильная, но пытки могут раздавить кого угодно.

– Привет.

Я поворачиваюсь и беру пистолет.

– Это я. – Ной прижимается к искривленному дубу справа от меня. – Я думал, ты где-нибудь здесь.

Убирая руку с рукоятки пистолета, я снова смотрю на дом священника.

– Что ты здесь делаешь? – В моей голове проносится воспоминание о том, как мы в последний раз разговаривали: как я был жесток с ним, потому что он все еще верил в нашего отца.

– Я просто подумал... – Он тихо вздыхает. – Я не знаю. Кажется, тебя тянет к этой Деве. Так что я подумал, может, тебе нужно...

– Спасибо. – Я не могу сказать ему, что больше всего мне нужно убить нашего отца. Но присутствие Ноя приветствуется, если оно неожиданно. – О том, что я сказал на днях...

– Не беспокойся об этом. А может, ты и прав. После того, что он сделал с мамой, я не знаю. – Его голос становится еще тише. – Я все еще чувствую запах ее кожи.

– Я тоже. – Я хороню память о ее боли, но помню ее, как собака помнит про зарытую кость. Я выкопаю ее позже и использую, чтобы нанести урон тем, кто этого заслуживает.

Он выглядывает из-за своего дерева.

– Отец там?

– Да.

– Дерьмо.

Ветра нет, кристальный воздух неподвижен и тих. Мы ждем долгие минуты – я не знаю чего. Она не выходит. По словам моего отца, пока она не будет «готова». Я скриплю зубами.

– Может, они там просто занимаются обычным делом? – Ной звучит далеко не уверенно.

– Ты имеешь в виду легкие пытки с промыванием мозгов?

– Да, это. – Он пожимает плечами.

– Я так не думаю.

Он не хуже меня знает, что то, что происходит в доме приходского священника, делает Монастырь похожим на Диснейленд.

– Ты думаешь, он собирается... – Он громко сглатывает.

– Требовать ее? – Я хочу сказать, что он не стал бы этого делать, потому что, возможно, он все еще сможет использовать ее. Может, ее не отправят в часовню или собор. Она все еще имеет ценность, пока ее тело не слишком сломано. Я грустно усмехаюсь. Ее тело нельзя сломать – это убьет ее ценность. Но ее разум должен быть полностью разрушен, а затем восстановлен на клее лжи моего отца.

Ной пожимает плечами.

– Он заявил только об одной. Может, на этот раз он будет осторожнее.

– И не выебет их перед тем, как отправить на работу? – Я похлопываю по карманам куртки в поисках пачки сигарет, которые не курил около пяти лет. – Он ничего не может с собой поделаться. Он ни в коем случае не отпустит ее, не сняв с не пробу.

– Но, может быть, еще нет. Она все еще могла быть...

– Шшш. – Я хватаю его за руку.

Мой отец выходит из дома приходского священника и садится в ожидающий его внедорожник. Когда он трогается, крик Далилы пронзает ночь.

Что-то происходит внутри меня. Как будто я чувствую ее агонию глубоко в животе. Я не осознаю, что бегу, пока Ной не хватается меня сзади, бросив меня на сосновые иглы и укрыв нас от фар проезжающего внедорожника.

– Черт возьми, что ты делаешь? – Он скатывается со меня и садится. – Ты хочешь, чтобы тебя поймали?

Она снова кричит, и моя кровь стынет в жилах, подталкивая меня к ней.

– Я хочу, чтобы она вышла оттуда! – Я поднимаюсь на ноги, когда ее крики стихает.

– Нет. – Он встает и хватается меня за руку. – Ты не можешь. Если ты хоть попробуешь, и папа узнает...

– Мама. – Я уже знаю, что она заплатит за любые мои ошибки. В очередной раз. Любовь к ней живет в искореженной шкатулке моего сердца, и моя голова напоминает мне, что Ной прав. Если я снова наделаю глупостей, наша мать может заплатить еще более высокую цену, чем обугленная плоть.

– Давай. – Ной отпускает меня, возможно, уверенный, что я не двинусь с места. – Эта Дева того стоит?

Да. Это слово мелькает в моей голове, как молния, но я не смею произнести его вслух. Сказать «да» – это признать слабость.

– Она моя.

– Она принадлежит Пророку. – Его голос мягок, но колючка все равно попадает в цель.

Он прав. Какую бы связь я ни чувствовал с Далилой, она в конечном итоге будет разорвана – либо моими действиями, либо действиями моего отца. Это знание ни черта не меняет.

– Давай. Давай выбираться отсюда. – Он слегка бьет меня по плечу и кивает подбородком в сторону дома.

Я неохотно поворачиваюсь и следую за ним, хотя оставляю слишком много осколков себя вместе с Далилой. Мы оба страдаем в нашей собственной темной бездне.

Глава 3

Далила.

Джорджия летит по воздуху, ее золотые кудри развеваются, как знамена солнца и счастья. Ее смех напоминает мне жаркие дни, проведенные вместе, когда мы играли на заднем дворе ее дома и гоняли по окрестностям на наших велосипедах.

Затем все меняется. Качели скрипят, когда она раскачивается, с каждым движением веревка закручивается, глубоко врезаюсь в плоть дуба, оставляя место для жуков и гниения.

Взрослая Джорджия поворачивается ко мне, у нее на лбу вырезана пентаграмма, из глаз течет кровь.

Я не могу пошевелиться. Идет дождь. Вода стекает по моим волосам, цвет неба меняется от серого к черному. Это не лето.

Она прыгает с качелей и бежит вокруг дерева, ее розовое платье срывается, обнажая кожу, испещренную порезами и ожогами, эмблемами нескольких древних религий, сочащими кровь по ее загорелому телу.

– Давай поиграем в погоню!

– Не уходи! – Я изо всех сил пытаюсь следовать за ней, но мои ноги не слушаются. Слезы катятся по моим щекам, над головой грохочет гром.

– Возвращайся, пожалуйста.

– Я скучаю по тебе. – Ее голос дрожит, поблизости формируется торнадо, черная грязь закручивается в смертельную воронку. – Но я не хочу, чтобы ты была здесь со мной. Не позволяй им отправить тебя сюда. – Она выглядывает из-за дерева, ее кожа белая, глаза закатываются.

Я кричу, когда она наклоняется ближе. В ее волосах грязь, смерть течет из ее гниющих пор.

– Не позволяй им отправить тебя сюда. – Ее голос звучит все более размыто по мере приближения торнадо, воронка которого чернее неба.

На меня льется вода, и я просыпаюсь, пытаюсь разглядеть намеки света в кромешной тьме, которая стала моей жизнью.

– Ты кричишь, как банши, Далила. – Голос Грейс вырывает меня из сна, затем она выливает еще одно ведро воды на мое дрожащее тело. – Это твои грехи. Они съедают тебя. – Она ходит вокруг меня, ее ногти скользят по моей ноге. – Тебе здесь не место. Вот почему ты пыталась уйти. Твои грехи побуждали тебя выйти в мир и быть тем, кем ты являешься на самом деле – шлюхой, упавшим мусором, ничем и никем. Но ты здесь. – Она подбирается ближе. – И я все еще забочусь о тебе.

Кап...

Я пытаюсь бороться с ее словами, с ее ядом, но она продолжает:

– Ты не более чем клочок мусора, который не желает ничего, кроме как раздвинуть ноги для любого человека или зверя, которые могут появиться. Ты бы продала свое отвратительное тело в мгновение ока. Вот для чего созданы такие животные, как ты. Размножение. У тебя нет другой цели. – Ее ногти впиваются мне в плечо. – Ты была ничем до того, как присоединилась к Монастырю. Но как только ты это сделала, ты стала больше, чем просто грязной грешницей, ты стала благословенной среди женщин, драгоценным камнем Пророка, избранной Всемогущим, чтобы вести праведную жизнь в служении. И что ты сделала? Ты вела себя как неряшливая шлюха. Ввести Защитника Ньюэлла в искушение и развратить Адама всей ложью, изливающейся с твоего раздвоенного языка. Ты ниже змея в саду. – Ее теплое дыхание обволакивает мою щеку. – Ты вызываешь отвращение к себе, ты вызываешь отвращение к Адаму и отвращаешься от Пророка. Ты умрешь здесь за свои грехи и будешь брошена в самую темную яму ада.

Капля сверху бьет меня по лбу. И тогда я чувствую себя сломленной. Она врет. Я пытаюсь вырвать ее иголки из своей головы, но зазубрины глубоки. Я прикусываю кляп и пытаюсь освободиться. Я почти не двигаюсь. Борьба заканчивается быстро, когда уходит моя последняя энергия. И вдруг я понимаю, что она права. Она все время была права. Мне здесь не место. Я грязная. Я подвела себя и Джорджию. Я не достойна Монастыря, и уж тем более Пророка или его сына.

– Единственный способ освободиться из тюрьмы греха – это принять Пророка. – Она наклоняется к моему уху. – Ты должна полностью ему подчиняться. Предложи ему все, что ты есть. Проси прощения.

У меня перед глазами возникает этот образ. Я склоняюсь перед Пророком, предлагая ему свое тело, свою душу, все свое. И мое сердце, кажется, снова начинает биться.

Кап...

Мои страхи отступают. Это временное место. Короткая остановка на пути к спасению. Пророк – это ключ.

Я хочу сказать «да», попросить, но кляп мешает.

Грейс уходит, закрывая дверь и погружая меня в темноту.

Пророк спасет меня. Я думала, что Адам заботится обо мне. Я ошибалась. Я думала, что пришла сюда, чтобы узнать правду о Джорджии. Но это неправильно. Я здесь, чтобы служить Пророку.

Горячие слезы текут из моих глаз, когда правда поселяется во мне, как семя, прорастая и расцветая. Пророк. Он моя единственная любовь, мой единственный свет и мое спасение.

Глава 4

Адам.

После еще одной ночи, проведенной в тревожном забытьи, я просыпаюсь, когда слышу шаги Ноя, эхом разносящиеся по полированной деревянной лестнице. Я сажусь и протираю глаза, затем смотрю на будильник. Рассвет через полчаса.

– Отец зовет? – спрашиваю я, когда Ной входит в дверь моей спальни.

– Да.

– Блядь. – Я встаю и иду в ванную, полированный мрамор которой напоминает мне склеп.

– Крейг уже сидит на заднем сиденье моей машины с Греем и Зайоном.

Я смотрю в зеркало на свое изможденное лицо.

– Он знает, что мы едем к реке?

– Нет, но он трясется и заикается. Наверное, думает, что это будет крест.

– Он наверняка бы предпочел крест вместо холодной воды. – Я выбираю джинсы и футболку. – У тебя есть резиновые сапоги?

– В багажнике. – Он садится на мою кровать и смотрит на одеяло, сброшенное на пол. – Ты спал?

– Немного.

– Значит, нет.

Я натягиваю белую футболку через голову и хватаюсь за ремень. Тот, которым я шлепал Далилу. Мне хочется прижать его к щеке, чтобы почувствовать ее тепло или запах.

– Ты в порядке? – Ной встает.

Я смотрю на него.

– Лучше, чем ты думаешь. Ты криво застегнул рубашку.

Он смотрит вниз и усмехается.

– Вот дерьмо.

– Застегнешься в машине. – Я прохожу мимо двери напротив своей – той, которую никогда не открываю – и спускаюсь по лестнице, глухой звук моих шагов отражается от стен. Дом с четырьмя спальнями предназначался для семьи, деревянные полы и роскошная мебель идеально подходили для одного из любимых Защитников моего отца. Вместо этого он отдал дом мне, чтобы я был рядом, чтобы он мог держать каждое мое движение под контролем. Этот шикарный дом намного лучше тех, в которых я вырос. И хотя на скошенных окнах нет решеток, это все равно тюрьма.

Свежий утренний воздух обрушивается на меня в полную силу, когда мы идем к черному седану, ждущему на подъездной дорожке.

– Я поведу. Разберись с рубашкой. – Я сажусь на водительское сиденье и бросаю взгляд в зеркало заднего вида. Призрачно-белый Крейг не смотрит на меня.

Не могу сказать, что мне это не нравится. Крейг – злобный сукин сын, и он заслуживает всего того, что ему предстоит. Если честно, даже больше. Я ловлю себя на том, что спешу через Подворье, мчась к холодному наказанию Крейга. Когда мы проезжаем поляну, где три креста вкопаны глубоко в глину Алабамы, Крейг вздыхает с облегчением. Я улыбаюсь и прибавляю газ на следующем подъеме. Ной бросает на меня обеспокоенный взгляд, но ничего не говорит.

Мы сворачиваем в сторону от основных зданий и выезжаем на охраняемую дорогу, ведущую к собору, затем направляемся вглубь леса. Когда темная река появляется впереди нас, Крейг издает низкий горловой звук. В воздухе витает страх, и я сжимаю пальцы. Я готов.

Я подъезжаю к кромке воды. Днем она почти прозрачная. Но сейчас, когда солнце еще не взошло, река мрачна и бездонна.

– Вытащи его. – Я смотрю на Сиона в зеркало заднего вида.

Он и Грей подпрыгивают от моих слов, затем вытаскивают Крейга из машины и хлопают дверьми.

– Блядь. Холодно. – Ной держит руки над теплыми вентиляционными отверстиями. – Я ненавижу это, черт возьми.

– Почему?

– Это так... так... – Он вскидывает руки. – Почему мы должны это делать?

Я поднимаю голову и изучаю его.

– Итак, ты не возражаешь против того факта, что Крейга надо притопить, но ты не считаешь, что мы те, кто должен запачкать руки?

– Когда ты так говоришь, мне кажется, что ты псих. – Он пожимает плечами. – Я имею в виду, что в идеальном мире Крейга не наказали бы так. Но...

– Но что?

– Но он подвел свою Деву и подвел Пророка.

Я зажмуриваюсь.

– И вот я уже начинаю думать, что ты наконец-то разобрался с отцовской ерундой.

– Ты видел пламя. – Он скрещивает руки на груди. – Мы оба видели, на что он способен.

– Мы видели цирковой трюк! И мы были глупыми детьми! – Интересно, смогу ли я выбить из него веру, просто отвлечь и сбить его с толку? Нет, это не сработает. Если мой отец и научил меня чему-либо, так это тому, что истинные верующие будут держаться своей слепой веры, несмотря ни на что. Я скриплю зубами. – Он просто использует тебя, как и всех остальных, Ной. Все это неправда. Ты здесь не потому, что веришь. Ты здесь из-за того, что он сделает, если мы снова попытаемся уйти.

– Нет. – Ной качает головой. – Я могу не соглашаться с некоторыми вещами, которые он делает, особенно когда дело касается мамы, но он настоящий, Адам. Ты должен это знать. Ты видел это!

– Я не знаю, что видел, и ты тоже. – Я хлопаю рукой по рулю. – Ты должен избавиться от этого!

Подъезжает машина, ее покрышки скрипят по гравию. Водитель выходит и открывает дверь моему отцу, пока мы с Ноем ругаемся. Но обсуждение откладывается, когда появился папа.

– Давай наденем сапоги. – Ной открывает дверь и выходит.

Я заставляю свой гнев отступить и принимаю безмятежный вид. Моему отцу не нужно видеть ничего, что происходит во мне. Я научился прятаться, оставаясь на виду.

Несмотря на внешнее спокойствие, я не могу справиться с нетерпением, когда тащу Крейга на свидание с кислородным голоданием. Ледяная вода пробирает меня сквозь толстую резину сапогов. Крейг напрягается и дрожит, когда мы тащим его в реку.

Его крики и мольбы о пощаде стихают, когда мы с Ноем толкаем его под воду. Он пинает нас и пытается вырваться когда отец поет: «Ибо все мы были крещены одним Духом, чтобы образовать одно тело – евреи или язычники, рабы или свободные, – и всем нам было дано пить одним Духом».

Когда Крейг, наконец, перестает шевелиться, мы его вытаскиваем. Я хлопаю раскрытой ладонью по его спине, он откашливает воду, затем делает большой глоток воздуха.

– ... И эта вода символизирует крещение, которое теперь спасает и вас – не удаление грязи с тела, но залог чистой совести перед Богом. – Отец кивает в нашу сторону.

Мы бросаем Крейга в ледяную воду, и его конвульсии наполняют меня редким чувством удовлетворения. Он не слушал криков своей Девы о пощаде. Я видел ее, ту, с темными волосами и синяками, которая кричала ночью, когда Далила изо всех сил боролась, пытаясь спасти ее. Сара, та, что руководила попыткой побега.

– Отпусти его, чувак. – Ной трясет меня за плечо.

Я не заметил, что Крейг снова отключился. Мы вытаскиваем его из воды, и я наношу ему удар за ударом по спине, пока он не начинает кашлять и блевать.

Я усмехаюсь и толкаю его обратно.

Некоторые части меня – худшие – единственные, кому я когда-либо позволял проявлять себя.

Я иду по небольшому подъему к отцовскому дому. Кастро на крыльце курит сигарету. Он замахивается на меня, когда я тянусь к задней двери. Остановившись, я быстро прикидываю, смогу ли я убить его и избавиться от его тела, прежде чем мой отец или кто-либо еще задаст вопросы.

– Проблема, парень? – Он постукивает по пистолету в кобуре на поясе.

– Пошел ты. – Я вхожу в дом и хлопаю дверью перед его носом, поворачивая замок только из мелкой злобы.

Он сплевывает ругательства по-испански.

– Ты когда-нибудь задумывался, почему он так сильно тебя ненавидит? – спрашивает Ной, вливая в себя стакан виски.

– Мне плевать. И с каких это пор ты пьешь до полудня?

Он вытирает рот рукавом.

– У каждого свои пороки.

Я беру бутылку дешевого дерьма с нижней полки и делаю глоток. Тепло проникает в мое горло и делает все возможное, чтобы разогнать пронизывающий до костей холод, который я все еще ощущаю после посещения реки. Я ставлю бутылку на место и игнорирую свое отражение в зеркале бара. Пьянство Ноя – это проблема, которую мне нужно решить, но это подождет.

– Ты готов? – Он смотрит на лестницу, ведущую на главный уровень.

– Более-менее.

Чем выше мы поднимаемся по ступенькам, тем тяжелее я себя чувствую. Я хочу спросить отца о Далиле, но не могу. Упоминание ее имени принесет ей еще больше страданий. Мой отец работает определенным образом, способами, которым я научился за годы наблюдения за ним. Узнайте, кем люди хотят себя видеть, а затем отразите им это видение. Что еще более важно, узнайте, чего люди боятся, чего они хотят, что их волнует, а затем используйте это, чтобы контролировать их. Он сделал бы то же самое с Далилой.

– Иди сюда! – У отца веселый голос, поэтому я, естественно, задаюсь вопросом, какую новую чушь он для нас приготовил.

Мириам, бывшая Дева и нынешняя жена губернатора, сидит на диване справа, ее белая юбка плотно облегает идеальные бедра, коричневые ноги скрещены в коленях.

– Первая леди пришла к нам. – Отец откидывается на спинку стула, улыбка растягивает его слишком сжатые губы.

– Мириам. – Я киваю, когда мы с Ноем садимся перед столом.

– Рад видеть вас двоих. – Ее голубые глаза пронизательны, ничего не упускают.

– Милая Мириам только что рассказывала мне о новой отрасли, которую губернатор пытается внедрить в нашем великом штате. Расскажи мне больше. – Он машет Мириам, решая продолжить.

– Это производитель автомобилей из Южной Кореи. Они хотят переехать в штат с доступной рабочей силой, возможностями для роста и, конечно же, низкими налогами.

Папа чешет подбородок.

– Где именно они хотят открыть производство?

– Где-то по шоссе I-65 к северу от Бирмингема. Вероятно, округ Каллман. Они присмотрели себе сотню акров земли недалеко от шоссе и старой железнодорожной ветки. Но взамен они хотят больших налоговых льгот. Луи это возмутило. – Она закручивает прядь волос вокруг

пальца и прикусывает губу с привычным соблазнительным взглядом. – Во всяком случае, сначала.

Мой отец похлопывает ее по колену. Как послушная собака, Мириам идет к моему отцу и садится ему на колени.

– Ты убедила его, что это будет выгодная сделка, не так ли? – Он зарывается носом в ее волосы.

– Я кое-что сделала, чтобы изменить его мнение. – Она расстегивает жакет, пока отец блуждает руками по ее телу. – Все для тебя, мой Пророк.

– Я хочу эту компанию, особенно если мы сможем сначала выбрать работу для членов «Небесного служения». Адам, давай, скупи землю, о которой говорит Мириам. Мы сможем продать ее корейцам дороже. – Он стягивает ее блузку и покусывает сосок через белый кружевной бюстгальтер.

Ной ерзает на своем месте и смотрит куда угодно, только не на них.

– Думаешь, удастся убедить старого Луи устроить нам встречу с корейцами, чтобы поговорить о рабочих местах? – Он стягивает ее бюстгальтер и ласкает ее грудь.

– Я могу его убедить.

– Ты можешь? – Он хватает ее за волосы и толкает на пол. – Покажи мне, насколько убедительной ты можешь быть.

– Все для тебя, Пророк. – Она облизывает губы и исчезает под столом.

Я не могу больше ее видеть, и это облегчение, несмотря на раздающиеся чавкающие влажные звуки. Отец откидывается на спинку стула. Мой отец – свинья, хотя, кажется, никто этого не замечает, кроме меня.

– Мы скоро получим контроль над автомобильным заводом. – Он кряхтит и закидывает руки за голову. – И полный штат сотрудников «Небесного служения».

– Я позвоню адвокату сегодня утром.

– Убирайтесь отсюда, мальчики. Мне нужно завершить дела с Мириам. – Он закрывает глаза.

Мы выходим из офиса и видим в холле Кастро, злобно смотрящего на меня.

Я смеюсь и прохожу мимо него, наслаждаясь яростью, которая искажает его физиономию. Он придурок, и я уже решил, что однажды убью его. На данный момент я просто кошка, играющая со своей едой.

– Боже. – Ной выдыхает, когда мы спускаемся по лестнице. – Папа просто... он просто делает что угодно.

– Это привилегия пророка. – Я беру в баре бутылку с верхней полки. – И не удивляйся. Он делал вещи намного хуже, чем это.

Ной проводит рукой по лицу.

– Я имею в виду, мама наверху. Сейчас.

Я откручиваю крышку и делаю глоток темного дымного ликера. Наша мать вполне может быть хоть на Марсе. Мы не можем до нее добраться. Не с вооруженной охраной за дверью, которая отслеживает каждое ее движение, Кастро – ее постоянная тень, когда он не охраняет отца. В свое время мы с Ноем совершили самую большую ошибку в нашей жизни. Поймав нас на попытке уйти, он заставил нас наблюдать, как наша мать с лихвой расплачивается за эту ошибку. Она в клетке даже больше, чем мы.

– Итак, ты признаешь, что он отвратительный извращенец, но все еще веришь, что он разговаривает с Богом и дьяволом?

Ной пожимает плечами:

– Он все еще мужчина. Извращенец и садист. Но да, я верю, что он пророк Господа. И что Бог и Отец Огня – две стороны одной медали. Он говорит с ними.

Я протягиваю ему бутылку в знак приветствия.

– Ну, по крайней мере, тебя больше в голову ебут, чем меня. Я выпью за это.

Глава 5

Далила.

Моя старая комната. Я сижу на своей кровати, у меня ощущение, что прошло сто лет с тех пор, как я была здесь. Я провожу пальцами по белому покрывалу.

Мое внимание отвлекает короткий стук в дверь. Входит Честити с заплаканными глазами, рассеченной губой и синяком на подбородке.

– У тебя все нормально? – Она спешит ко мне.

– Я в порядке. – Я продолжаю следить за покрывалом, пока она рассматривает мое платье.

– Нет креста. – Она гладит белую ткань на моих плечах и с облегчением вздыхает. – Нет креста.

– Пророк не выбрал меня. – Слезы наполняются моими глазами, и стыд омывает меня, как приливная волна. – Я предложила себя ему, но он меня не взял. – Мои губы дрожат. – Я не достойна его. Теперь я это знаю.

Честити напрягается, затем убирает волосы с моего лица.

– Далила, что они с тобой сделали? Они продержали меня два дня и... – Она расстегивает рубашку, затем стягивает ее, обнажая багровые рубцы на светлой коже. – Просто избивали. Снова и снова. Но я видала и кое-что похуже... В прошлый раз. Она снова застегивает рубашку и понижает голос до шепота. – Никто не сбежал. Даже Сара. Думаю, она все еще в доме священника. – Она тяжело сглатывает. – Они нашли видео, где Сюзанна прижимала к моему горлу заостренную зубную щетку. Я все время говорила им, что перелезла через забор только для того, чтобы держать всех вас в поле зрения, чтобы в конце концов сдать вас.

Я смотрю на нее. Она была права, пытаясь нас сдать. Быть вдали от Пророка – ужасная судьба, с которой я никогда не хочу встречаться.

Она продолжает приглушенным голосом:

– Сначала они мне не поверили, но я настаивала. Как только избивания прекратились, меня затащили сюда. Но теперь Грейс мне еще меньше доверяет. Сюзанна, Ева и Ханна вернулись в монастырь. Что с тобой случилось в доме священника?

– Они показали мне, что я ошибалась. Глупо. Я слишком застряла в этом мире, когда мне следовало стремиться к следующему. – По моему лицу текут слезы. – И единственный способ попасть в рай – это повиноваться Пророку.

Она смотрит мне в глаза, затем проводит руками по моим ребрам.

– Тебе нужно есть. Они держали тебя четыре дня и кормили только фруктами с наркотиками.

Во мне закипает негодование:

– Я не была под воздействием наркотиков. Пророк позаботился обо мне. Он любит меня.

– Пойдем посмотрим, что можно найти на кухне, – настаивает Честити.

– Я не буду есть. Пока не пришло время. Только когда Пророк скажет, что я могу. – Я падаю на колени и поворачиваюсь к кровати, чтобы начать свою молитву. – Я буду проводить все свое время в восхвалении Пророка. Он единственный, кто меня по-настоящему любит. – Я бросаю на нее взгляд через плечо и не могу не улыбнуться. – Я его любимица, понимаешь?

– Далила, не делай этого. Пожалуйста, не надо.

– Что не делай?

– Не поддавайся этому. Ты слишком сильна, чтобы верить лжи. Все, что говорит Пророк, не соответствует действительности. Он обманщик...

Я бросаюсь на нее, сбиваю с ног и кричу ей в лицо:

– Пророк – это все. Все! – Я бью ее с такой силой, что моя рука начинает вибрировать.

Она хватается меня за запястья и отбрасывает, затем перекачивается на меня и прижимает к холодному деревянному полу.

– Далила!

Ее губа снова разбита, из раны по подбородку течет кровь.

– Слезь с меня, ведьма! – Я не могу ей противостоять. Все силы, которые у меня были мгновение назад, исчезли.

– Далила, пожалуйста. – Ее голос смягчается, но она удерживает меня на месте. – Подумай, зачем ты здесь!

– За Пророка.

– Нет. – Она качает головой. – Не для него. Ты пришла сюда ради нее...

Призрак девушки танцует в моей голове, ее золотые локоны отражают каждую каплю солнца. Я как будто смотрю на нее сквозь матовое стекло. Но она там, ждет меня. Мысль о ней приносит слишком много боли, поэтому я отталкиваю ее и сосредотачиваюсь на Пророке.

– Нет. Я здесь ради него. Чтобы служить ему.

– Когда Джорджия приехала сюда, она поверила. Но у нее был дух. – Голос Честити низкий и ровный. – Ей удалось осветить самые темные уголки монастыря. Что бы с ней ни случилось, она продолжала идти. Она не сломалась даже после того, как перестала верить лжи Пророка. Она осталась сильной. И она бы сбежала.

– Ты врешь! – Я хочу выцарапать ей глаза, вырвать язык изо рта. Кто она такая, чтобы причинить мне эту боль? Боль, которую унес Пророк.

– Она рассказала мне о тебе.

– Лживая шлюха! – Я кричу и пытаюсь вырваться. – Ты лжешь, лжешь, лжешь!

Честити дает мне звонкую пощечину. У меня перехватывает дыхание, и я вижу звезды, которые мерцают и лопаются. На мгновение появляется небольшая полоска ясности, как будто я могу видеть сквозь тьму, в которой нахожусь, но затем она исчезла. И я все еще здесь с Честити, которая говорит ужасные вещи о благословенном Пророке. Она врет. Пророк – единственный, кто когда-либо говорил мне правду. Может... может, Честити убила Джорджию? Да, в этом есть смысл.

– Ты сделала это, – шиплю я на нее.

– Что? – Ее глаза расширяются. – Что я сделала?

– Ты убила Джорджию. Ты пытаешься переложить свою вину на Пророка, потому что ты грязное падшее существо. Я знаю, что ты за урод. Я знаю про твои отношения с Джем. Я знаю твой грех. Ты отвратительная содомитка, и я надеюсь, что Пророк даст тебе то, что ты заслуживаешь. Вырвет твой лживый язык! Убийца!

Что-то вроде печали омрачает ее лицо, но решимость все еще горит в ее глазах:

– Это неправда, и ты это знаешь. Я бы никогда не обидела Джорджию. Подумай, Далила! Вспомни, зачем ты пришла сюда. Борись с этим. Борись с тем, что он с тобой сделал. Вспомни Джорджию.

– Молчи. – Интересно, смогу ли я сбросить ее и сбежать к Пророку, чтобы рассказать ему о ее лжи?

– Ты помнишь ее смех?

Я моргаю:

– Что?

– Как она смеялась. Это было похоже на свет, теплый и сладкий.

В моей голове звучит фантомный звук, теплые высокие ноты.

Я зажмуриваю глаза, у меня по щекам текут слезы.

– Нет.

– Она всегда улыбалась. Даже когда все было плохо, даже когда тренировки были ужасными, даже когда Грейс наказывала ее за оптимизм – она улыбалась, как будто знала, что все будет в порядке. И это помогало мне держаться. До сих пор помогает.

Улыбка Джорджии прорывается сквозь дымку, и я вспоминаю ее. Я помню ее любовь, ее свет, ее тепло. И я хочу вернуть это – все это – я так сильно хочу вернуть эту легкость, но у меня ее никогда не будет.

Голос Пророка шепчет мне:

– Честити убила ее. Честити поглотило этот свет. Честити – та, кто хочет причинить тебе боль. Я твое спасение.

– Ты убила ее.

– Нет. – Она качает головой. – Я любила ее.

– Лжешь!

– Джорджия говорила о своей младшей сестре с белыми волосами и большим сердцем, она...

– Молчи!

– Она так сильно любила тебя и была рада, что ты не последовала ее примеру в этом ужасном...

– Ты врешь. – Матовое стекло, отделяющее меня от смеющейся златовласой девушки, начинает трескаться.

– Я не вру, Далила. Она рассказывала мне, как называла тебя, чтобы подбодрить тебя.

– Нет. – Трещины становятся шире, они указывают мне выход из этой темной ямы.

Она наклоняется и прижимается губами к моему уху, произнося имя, которое знала только Джорджия. Так Джорджия звала меня, когда я была в упадке или когда с моей матерью было еще хуже, чем обычно. Только Джорджия. Матовое стекло разбивается.

Мои слезы текут без остановки, и я задыхаюсь.

– Она врет. – Пальцы Пророка касаются моего сердца. – Я правда...

– Молчи! – рычу я. – Лжец! Ты лжец. Ты...

Честити перебивает, думая, что мои слова адресованы ей:

– Я не лгу. Я была новенькой Сестрой, когда встретила Джорджию – это было до того, как меня отправили в часовню. Прежде, чем я попыталась сбежать. Мы были друзьями. Она была моей единственной подругой, пока я не встретил Дджеза. – Ее глаза блестят от слез. – Она так сильно тебя любила. Ты помнишь? Она рассказала мне все о тебе, и она была так рада, что ты слишком умна, чтобы поддаться соблазну этого места. Она любила тебя, а я любила ее, как сестру.

Ее слезы прорываются сквозь тот туман, который держит меня, и я окончательно вспоминаю Джорджию во всей ее юной красе. Сияющей, счастливой и улыбающейся мне. Из моих легких уходит весь воздух, как будто кто-то сильно ударил меня кулаком в живот. Она ушла. Ушла. Я больше не могу бороться с правдой, какой бы страшной она не была. Пророк – причина, по которой я больше никогда не смогу обнять свою сестру. Я больше не чувствую его притяжения. Джорджия сияет ярче лунного луча в моей памяти.

Меня охватывает агония, когда я вновь переживаю ее потерю, похороны, то, как ее пытали. Я с трудом могу выдавить из себя:

– Что с ней случилось?

Честити садится и снова ставит меня на колени, пока мы оба «молимся» у кровати. Она не смотрит в камеру в вентиляционном отверстии, но я знаю, что она думает об этом. Прямо как я.

Я склоняю голову, позволяя горю утраты обрушиться на меня. В моей памяти всплывает картина: Пророк смотрит на меня, когда я раздеваюсь и раздвигаю ноги, предлагая себя ему. Желчь поднимается к моему горлу.

– Мне очень нужен подарок, который ты предлагаешь, милая Далила. – Его взгляд блуждает по моим бедрам. – Но ты можешь служить мне лучше как чистый ангел Пророка.

Мой живот сводит судорога, но я сжимаю руки мертвой хваткой и кладу на них потный лоб.

Честити наклоняется ближе:

– Это наркотики. Они накапливаются в организме, особенно если вы принимать их каждый день. Они образуют в сознании что-то вроде... паутины. Ты попадаешь в ловушку этого.

– Вы попала в ловушку?

– Да, когда была Девой. Еженедельного приема ЛСД достаточно, чтобы появилась зависимость. Она становится сильнее каждый раз, когда ты ешь отравленные фрукты.

Я вытираю глаза.

– Что случилось с Джорджией?

– Мы не знаем.

– Мы?

Она закусывает губу, потом морщится.

– Поговорим позже. У меня будут проблемы из-за видео.

– Не уходи.

Она прижимается плечом к моему:

– Оставайся сильной.

Когда она встает, я заставляю себя оставаться на месте, хотя мне хочется бежать за ней и требовать, чтобы она рассказала мне все, что знает о Джорджии.

Когда она открывает дверь, я слышу резкий голос Грейс.

– Я как раз собирался проверить вас. Ты же знаешь, что тебе больше не положено оставаться наедине с Девами.

– Я знаю. Приношу свои извинения. Я просто хотела убедиться, что у нее есть все необходимое для возобновления тренировок.

Я не оборачиваюсь, просто продолжаю молиться.

– Она в порядке. Иди на кухню. Ты будешь там, пока я не скажу иначе.

– Да, мэ.

– А ты. – Голос Старшей впивается в мой мозг, как колючая проволока. – То, что Пророк дает тебе еще один шанс, ничего не значит. Еще одна подобная выходка, и снова окажешься в доме священника без посещений, без еды и без воды, за исключением тех капель, которые так тебе понравились.

Я подпрыгиваю, когда она захлопывает мою дверь, но даже ее угрозы не могут остановить шум в моем мозгу. Информация Честити – это толчок, который мне нужен, чтобы продолжать попытки и, наконец, добиться справедливости для Джорджии. Пророк сломал меня. Я не могу лгать себе и утверждать, что я оставалась сильной под пытками и наркотикам. Но Джорджия всегда была той нитью, которая тянула меня вперед. Впервые в жизни я действительно склоняю голову в молитве и посылаю просьбу, настолько полную мести и возмездия, что я не сомневаюсь, что небеса перенаправят ее в гораздо более жаркое место.

Я обедаю с остальными Девами, хотя некоторые из них старательно избегают на меня смотреть. Сюзанна, Ева и Ханна сидят за разными столиками, и я не смею сесть рядом с кем-либо из них. Я ем свою небольшую порцию овощей и жесткого мяса в одиночестве. Каждый раз, когда открывается дверь столовой, я смотрю вверх в надежде увидеть Сару. Но ее нет.

Честити работает на кухне, и я лишь мельком вижу ее через сквозное окно. Ее голова опущена, и я все равно не могу с ней сейчас разговаривать. Миллион вопросов пылает во мне, как пыль от взорвавшейся звезды. Ни на один из них не будет ответа, по крайней мере, сегодня.

Я с облегчением обнаруживаю, что вместо тренировок мы днем проводим время перед телевизором. Я усаживаюсь на свой обычный стул, хотя теперь он кажется огромным. Мы все

выглядим как ад, но я подозреваю, что выгляжу хуже большинства. Физические и моральные пытки могут сделать это с человеком.

– Служи мне, моя дорогая, – шепчет Пророк. Я зажмуриваюсь и заглушаю его голос. Это нереально. Ничего, что он мне обещал, не реально. Его шепот стихает, и я снова могу дышать.

Дверь в дальнем конце комнаты открывается, и я жду, пока Абигейл включит проектор. Вместо этого Мириам Уильямс, первая леди Алабамы, выходит в переднюю часть комнаты в скромном кремовом платье. Она улыбается, ее идеальные светлые волосы и белые зубы напоминают куклу-скелет – или я это воображаю?

– Добрый день, девушки. – Она шелкает пальцами, и Абигейл торопливо пододвигает ей кожаное кресло. Устроившись, Мириам осматривает комнату. – Я рада видеть, что вы все так хорошо выглядите. – Ее на мне на мгновение взгляд задерживается.

Я так плохо выгляжу?

Она откидывается назад.

– Вы были обучены различным способам быть благочестивым товарищем для избранного вами супруга. Все уроки, которые вы усвоили до этого момента, чрезвычайно важны для вашего будущего. Они могут показаться... – она постукивает ногтями с французским маникюром по подлокотнику стула, – трудными, но они окупятся. Как они окупались для меня. – Реплика королевы красоты сопровождается улыбкой. – Сейчас я здесь, чтобы обсудить, в частности, празднование Сочельника. Каждый год Пророк разводит огромный костер для Небес. Вы все будете присутствовать и будете вести себя наилучшим образом. – Она поднимает палец. – Грейс, не могли бы вы объяснить?

Старшая идет к передней части комнаты.

– У каждой из вас будет такое украшение. – Она показывает нам ожерелье с простой, но толстой цепочкой и крестом. – Я назначу Сестру, которая будет следить за каждой из вас. Если вы переступите черту... Мэри, поднимись сюда.

Мэри встает со своего места и идет вперед.

– Вот. – Грейс протягивает ей ожерелье.

Мэри берет его, но держит подальше от себя, как будто это ядовитая змея. Грейс достает из кармана брелок.

Мэри немедленно вскрикивает и роняет ожерелье.

Грейс улыбается.

– Извини, Мэри. Я случайно поставила его на максимальную мощность. – Она поднимает его и передает трясущейся девушке. – Возьми еще раз.

На этот раз, когда Грейс использует брелок, Мэри вздрагивает, но не издает ни звука.

– Спасибо. – Грейс забирает ожерелье и отпускает Мэри на место. – Как видите, эти ожерелья накажут любую Деву, которая нарушит правила. Я хочу, чтобы вы помнили волю Пророка, когда...

– Я хотела бы продолжить. – В ровном голосе Мириам звучит раздражение.

Я испытываю удовлетворение от того факта, что в присутствии Мириам Грейс больше не альфа. Грейс бросает на нее острый взгляд, но кивает и отступает, а Мириам продолжает:

– Потом, после церемонии зажжения костра, на которой Пророк принесет свое рождественское благословение, посетители «Небесного служения» разойдутся. Вот тогда и начнется ваше истинное испытание.

Я бросаю осторожный взгляд на Еву, но она, кажется, приросла к своему стулу и смотрит на Мириам с таким благоговением, которое может быть вызвано только ненавистью или страхом. Чем именно, не могу сказать.

– На церемонии будут присутствовать женихи. – Она приподнимает брови, как будто эта новость должна нас взволновать. – Мужчины проявят интерес к тем из вас, кого сочтут достойными. Зимнее солнцестояние – особое время года для Пророка. Вы поймете, что я имею в виду,

на мероприятии. Я проинструктировала Грейс, как все вы должны быть одеты и подготовлены. С уважением относиться к Пророку – это верный способ полностью ему повиноваться.

Ее медовые слова не скрывают правды. Нас будут выставлять, как скот на мясном рынке. Я крепче сжимаю себя руками.

Она стоит и грациозно расхаживает взад и вперед, ее туфли на шпильке цокают о деревянный пол.

– Существуют определенные правила, которых Пророк ожидает от вас во время празднования. Вы не можете говорить, если к вам не обращаются. Вы не можете покидать место общего пользования. Женихи – особые гости, но им нельзя доверять. Она указывает на Деву в первом ряду.

– Ты, иди сюда.

Дева встает и подходит. Кажется, ее зовут Фиби.

Мириам подтягивает ее платье до бедер. Фиби не протестует.

– Женихи захотят забрать это у вас. – Она бьет Фиби между ног. – Это ваш самый священный дар. Если вы испачкаете его прикосновением любого мужчины, вы испачкаете себе душу. Пророк будет знать, и он будет судить вас.

Мой разум возвращается к тому, что чувствовал Адам внутри меня, заполняя каждую частичку меня, пока все, о чем я могла думать, был он. Мои бедра сжимаются. Но я не могу об этом думать. Не сейчас.

– Вы должны хранить это священным прежде всего. Пророк должен брать или отдавать, как он считает нужным.

«Ты имеешь в виду, что Пророк должен продать нашу невинность. Поклонник не купит то, что уже отнято».

Она опускает платье Фиби на место.

– Защитите свой драгоценный дар, иначе вам грозит наказание. Понимаете?

Мы киваем.

Она смотрит и толкает Фиби к ее месту.

– Я спрашиваю, вы понимаете?

– Да, – кричим мы потоком.

Она берет себя в руки и натягивает на лицо свою обычную улыбку.

– Хорошо. Я рада, что мы все на одной волне. А теперь я оставлю вас до конца ваших тренировок. – Она машет рукой, как участница конкурса красоты, когда выходит из комнаты, и мы все слишком потрясены, чтобы шептаться, когда начинается показ старинного видео о важности целомудрия.

Глава 6

Адам.

Желание захлестывает меня, пока я не иду по коридору общежития в комнату Далилы. Когда я распахиваю ее дверь, она подпрыгивает и скатывается на пол, дергая за платье.

Я так сильно хочу ее обнять, что вынужден остановиться и перевести дух. Если бы я сделал это – просто обнял ее, – мой отец увидел бы. И тогда он все поймет. Далила стала еще большей пешкой в его игре.

Остаться спокойным – это худшая пытка, которую я когда-либо перенес, а я прошел через многое. Я сижу перед ней и просто смотрю. Когда я думаю о том, как она убежала от меня, я хватаюсь за край кровати. Когда я думаю о том, как я хотел ее отпустить, все внутри меня восстает.

– Адам? – От звука ее мягкого голоса что-то глубоко внутри меня начинает раскручиваться.

Я снова смотрю на нее. Темные круги портят кожу под глазами, щеки ввалились, а губы в нескольких местах потрескались. Худые запястья, сутулые плечи и желтоватая кожа говорят мне, как плохо было в доме священника.

– Что они сделали, ягненок? – Я провожу рукой по ее щеке и обнаруживаю, что она такая же теплая, как и всегда. – Что случилось после того, как ты сбилась с пути?

– Ты отвез меня в дом священника. – Ее голос становится резким.

– У меня не было выбора.

Я мог бы отпустить ее и убить приближающихся мужчин. Но мой разум играет на результат. В любом случае, она была бы схвачена, а я мертв или навсегда погребен в доме священника.

Она опускает взгляд, пряча от меня лицо. Я должен сказать ей, чтобы она смотрела на меня, следовала моим правилам, всегда делала то, что я говорю, и, самое главное, что любое дальнейшее неповиновение приведет к жестокому наказанию. Вместо этого я хочу прижать к себе эту раненую фею со сломанными крыльями. Блядь, я сошел с ума.

– На кровати. – Несмотря на то, что она уничтожена, моя кровь все еще дрожит при мысли о прикосновении к ней.

Она не сопротивляется, просто забирается на матрас и ложится на спину, даже раздвигает ноги, прежде чем я успеваю об этом сказать. Я не смотрю на нее там, несмотря на то, что мне велит страсть. Я ложусь на нее, балансируя на локтях и глядя ей в глаза. Они серые и непостижимые, и мне интересно, смогу ли я когда-нибудь заглянуть в них и увидеть всю ее.

– Ты не можешь попробовать что-то подобное снова. – Я говорю тихо. Возможно, Грейс и Пророк уже установили аудиоустройства в комнате Далилы.

– Я знаю.

Я просеиваю ее волосы между пальцами.

– Расскажи мне, что случилось в доме священника. – Мне нужно это знать, чтобы почувствовать, через что она прошла. Если бы я мог взять на себя ее пытки, я бы это сделал. Но мой отец не дал мне такой возможности. Он никогда не оставляет мне вариантов. – Я хочу знать.

– Разве ты не собираешься сначала мне угрожать? Может, ударишь меня ремнем? – Она начинает злиться.

– Я делаю это только тогда, когда это весело. – Я смотрю на нее. – Когда ты в таком состоянии, это все равно что убить муху базуккой. Ярко, но неудовлетворительно.

– Ты засранец. – В ней снова появляется огонь, пламя, которое влекло меня с того момента, как я увидел ее.

– Я знаю. Теперь скажи мне.

Она закрывает глаза, прячась от меня.

– Я был привязан к столу. И текла вода. Постоянная текла вода. – Она касается пятна на лбу и морщится. – Капала. И я знаю, это звучит безумно, но эти капли... это было так...

– Это вид пыток, старый как цивилизация. – Я прижимаюсь лбом к ее лбу, пытаюсь стереть призрак ощущений, которые она испытывает.

– Приятно слышать. – Она прочищает горло. – И там была крошечная тьма. Там была Грейс. Она дразнила меня.

Во мне закипает убийственная ярость, но я остаюсь расслабленным, настолько спокойным, насколько это возможно, чтобы унять ее кошмар.

– Да.

– Они затащили меня в эту комнату. И...

Я жду, пока она продолжит, и ловлю слезу, катящуюся из уголка ее глаза. Слова «теперь ты в безопасности со мной» кРуфьяются у меня на языке, но они ненастоящие. Это ложь. И я не могу заставить их сорваться с губ. Впервые.

– Твой отец был там. Он давал мне пищу и воду. – Слова выливаются из нее мучительным потоком. – И я не могла сказать «нет». Я был так голодна и так устала, и, Боже, я просто хотела, чтобы это прекратилось, а он продолжал мне все это рассказывать. – Еще больше слезинок текут из уголков ее глаз, и я вытираю каждую. – Он был так добр, но потом меня тащили обратно в ту комнату. Опять и опять.

– Мне жаль. – Извинения от меня неубедительны. Но мне действительно очень жаль.

– Жаль? – Она смотрит на меня недоверчиво. – Ты отправил меня туда! Ты мог бы меня отпустить. Ты мог бы всех нас отпустить. Ты можешь положить этому конец прямо сейчас!

– Говорите тише. – Я хватаю ее за предплечья. – И я не могу положить этому конец, не сейчас. Ты многого не знаешь...

– Я прекрасно понимаю, что я в темноте.

– Боюсь, тебе придется оставаться здесь. – Я не могу рассказать ей о своих планах, о том, чего я хочу для нее – для нас.

– Убирайся. – Она пытается освободить руки, но не может. – Пожалуйста, просто уходи.

Она снова закрылась, ничто не может пробить ее броню. Я наклоняюсь к ее уху.

– Проверь под подушкой, ягненок. Но не позволяй им видеть. – Я встаю и иду к двери, не оглядываясь, выхожу из ее комнаты. Каждый шаг от нее – это новый шрам на моей душе, но ей нужно поправляться. И у меня всего два дня, чтобы закончить подготовку к зимнему солнцестоянию.

Сестры в знак уважения опускают подбородки, пока я несусь по коридорам к двери Грейс. Он распаивается. Она наблюдала за мной с того момента, как я вошел в Монастырь. Сука.

– Чем обязана? – Она садится на край стола, а я опускаюсь в одно из ее слишком мягких кожаных кресел.

– Ты собираешься присутствовать на празднике Солнцестояния?

– Конечно. – Она водит пальцами по серебряному ожерелью, лежащему на краю стола. – Мои Девы будут там. Я постоянно общаюсь с часовней. Они готовы. Как насчет тебя? – Ее глаза сужаются. – Ты все подготовил?

Я киваю:

– Костер, развлечение, жертвоприношение.

Ее глаза загораются при этом последнем слове. Мне хочется пожалеть то существо, в которое она превратилась, но я не могу простить ей ни один из ее грехов. Она такая же мерзость, как и я.

– Ты изменил свое мнение о том, что я сказала в прошлый раз? – Она начинает задирать юбку.

– Прекрати! – Я держу ее взгляд.

Она опускает юбку и надувает губы:

– Все еще сердишься?

– Перестань терроризировать Далилу. – Я испытываю радость, когда она морщится.

– Она моя Дева. Пророк разрешил мне делать то, что...

– Если я найду на ней еще один синяк или даже царапину, я вернусь к тебе.

– Это угроза? – Она хлопает ресницами.

– Ты знаешь место на реке примерно в акре от того места, где похоронена Вера? – Когда я произношу это имя, у меня в душе открывается рана, которая никогда не переставала кровоточить. Но это нужно сделать, и я должен это сделать сейчас.

Она бледнеет и обходит вокруг стола, по глупости полагая, что кусок красного дерева может защитить ее от меня.

– Почему ты это говоришь?

– Потому что это то место, где я тебя утоплю. Я столько раз думал об этой глубокой воде. – Я смотрю на нее и вижу каждую частичку ее извращенного сердца и разбитой души. – Скалы там гладкие, ты знала? Вода со временем очистила их шероховатостей. Когда я захожу в воду, я делаю это босиком, чувствуя эти круглые камни под пальцами ног. Ты будешь биться, кричать, умолять. Твое платье пропитается водой. Там под дубами так холодно, что даже летом можно простудиться. – Она скрещивает руки, когда я встаю и подхожу к ней. – Ты будешь врать, как и всегда, и я запихну тебя под воду. А потом... – Я наклоняюсь и хватаю ее за подбородок, сильно сжимая его. – Блаженная тишина. Я оставлю твоё тело там. Никто тебя не найдет. Я забуду о тебе, и вскоре ты станешь пищей для рыб, енотов, койотов. А потом ты просто исчезнешь. – Я улыбаюсь ей.

– Адам, – шепчет она, ее глаза слезятся.

Ее слезы больше не трогают меня. Надеюсь, она прольет их достаточно, чтобы утонуть.

– Не надо. Обижать. Далилу. – Я выпускаю, поворачиваюсь и выхожу за дверь.

Глава 7

Далила.

Воскресная церковная служба начинается с выступления детского хора на сцене передо мной. Мальчики и девочки во всем белом, над их коронами парят блестящие нимбы из серебряных гирлянд. Большинство из них совсем малыши, вряд ли старше пяти лет, и они поют о Рождестве бессвязно и мило.

Я улыбаюсь им из-под вуали, хотя и устала. Еда, которую Адам дал мне накануне вечером, во многом помогла мне поправиться, но я все еще истощена. Я с нетерпением жду послеобеденных молитв в своей комнате, где я смогу вздремнуть вместо того, чтобы рассказывать Богу, насколько велик Пророк.

Адам привлекает мое внимание, когда помогает некоторым детям покинуть сцену в конце их номера. Он относится к ним с теплотой, которую я не считала возможным, приятно улыбаясь и похлопывая некоторых из них по спине, пока они уходят. Он хорошо ладит с детьми – эта мысль поражает меня, как странная вспышка, молния летним днем.

Когда дети устраиваются на скамейках позади нас, и стихают аплодисменты, Пророк выходит на сцену и произносит свою рождественскую проповедь.

– Мы здесь, чтобы благодарить нашего Господа и Спасителя, славить Его и праздновать день Его рождения.

– Аминь.

– Мы также здесь, чтобы планировать наше светлое будущее, как Мария и Иосиф сделали для своего маленького ребенка в пеленах. Хотя у них не было ничего, кроме ребенка и даров от мудрецов, они смогли воспитать сына Божьего. У нас есть намного больше. – Он поднимает руки. – Мы есть друг у друга. У нас есть сила нашей веры. И у нас есть убежденность довести план Бога до конца.

Адам не отрывает взгляда от меня. Я чувствую это, даже когда мне приходится опускать глаза, чтобы никто не заметил, что я не та скромная Дева, которой должна быть.

– Многие из вас уже подали заявки на жилье в Монровилле. Дома растут даже быстрее, чем я ожидал, и Господь доволен. Помимо жилья, мы очищаем землю, обрабатываем поля, создаем сельскохозяйственные угодья и фильтруем воду из реки Локахатчи, протекающей через территорию. – Его голос повышается, увенчанный нотами триумфа. – К концу следующего года «Небесное служение» будет полностью самодостаточным.

Толпа взрывается, каждая заблудшая душа требует любви и безопасности, обещанных шарлатаном на сцене.

– Каждый из вас сделает это возможным. И Бог улыбается вам за это. Здесь мы будем в безопасности от грядущих войн, от содомитов и множества демонов, правящих этим падшим миром. Мы вооружимся, чтобы защищаться от тех, кто пытается уничтожить нас. Это Легион, друзья мои. Грешники, прелюбодеи, убийцы, насильники, либералы, феминистки, политики, католики, евреи, мусульмане – все, кто отрицает божественность Христа, кто отрицает учение Библии – отступники! И они не остановятся, пока все благословенное творение Бога не превратится в дымящиеся руины. – Сила его голоса распространяется на прихожан позади меня, поднимая дикую энергию до опасных высот. – Но мы их победим. С Богом на нашей стороне нам гарантирована победа над злом. Вместе мы создадим новый Эдем, где мы будем работать, чтобы угождать Богу и никому другому. Нас выбрали. Мы самые драгоценные дети Бога. Вы... – Он указывает на толпу, – драгоценности в короне на голове Иисуса.

Пол подо мной трясется, когда публика вскакивает на ноги и аплодирует Пророку стоя. Адам хмурится, скрестив руки перед собой. Ной стоит сразу за ним, его взгляд устремлен на

Пророка, и он аплодирует вместе со всеми. Я не осознавала этого, но Ной искренне верующий. Я предполагала, что он похож на Адама, измученный и мудрый. Я ошибалась.

Когда пыл утихает, Пророк продолжает:

– Но должна быть жертва, друзья мои. Мы все должны что-то дать Господу. Мы все должны быть более благочестивыми. – Его голос смягчается, уменьшая лихорадку и притягивая аудиторию ближе. – Десятина важна. И я могу легко сказать, что горжусь тем, сколько наша Небесная семья дает, чтобы это служение продолжалось. Но мы должны дать больше. В денежном и других направлениях. У скольких из вас есть дети, которые учатся в падших государственных школах или, что еще хуже, в якобы «христианских» школах, которые являются не более чем рассадником греха?

Толпа молчит.

– Я здесь, чтобы сказать вам прямо сейчас, что Небесные школы – это путь к спасению ваших детей. Вы должны записать их сейчас, пока не стало слишком поздно. Женщины, ваши мужчины жертвуют своим доходом главы семьи, но что вы даете? Вы в полном послушании? Возможно, вы думаете, что это так, но посмотрите прямо сейчас вниз. Вы все смотрите вниз. Вы видите свои голые ноги? Если да, то я здесь, чтобы сказать вам, что вы не в полном послушании. Вы носите штаны, которые ничего не оставляют для воображения? Если да, то я здесь, чтобы сказать вам, что вы не в полном послушании. Вы показываете свое тело не мужу, а другим мужчинам? Если да... – он качает головой, – я могу заверить вас, что вы не в полном послушании. Женщины – священные сокровища, и к ним следует относиться соответственно. Но как мужчины могут относиться к вам так же благочестиво, если вы одеваетесь как обычные проститутки? Когда вы делаете все возможное, чтобы разжечь их похоть? – Он падает на одно колено, как будто делает предложение всем женщинам в аудитории. – Я смиренно прошу вас, как вашего Пророка, пожертвовать своим тщеславием. Быть чистым и святым для своих мужей. И даже если вы не замужем, одеваться как достойная женщина, а не мирская блудница. Вот те маленькие жертвы, которых требует от вас Господь. – Он смотрит в небо. – Как вы думаете, сможете ли вы сделать это для Него?

Крики «да» становятся все громче.

Я так сильно сжимаю руки, что боюсь, что у меня пойдет кровь. Но я не двигаюсь.

Пророк указывает на толпу.

– Сестра, ты куда?

Я оглядываюсь назад. Женщина с маленькой девочкой на руках стоит у бокового прохода, а Защитники и горстка Небесных офицеров приближаются к ней. Она далеко, но я чувствую ее страх, вижу, как она отступает.

– Почему ты бежишь от истины Господа? – Пророк качает головой и поднимается на ноги.

Небесные офицеры беРуфь ее за локти, а Сестра хватает ее дочь. Их выводят из святилища, и я могу только представить, что с ними будет.

– К сожалению, падшие женщины процветают в этом мире. – Он снова поворачивается к своей пастве, с доброжелательной улыбкой на лице, отцовский характер его слов сглаживает дискомфорт сцены. – Но мы можем их спасти. И мы их спасем, с Божьего благословения.

Аплодисменты.

Аудитория действительно аплодирует тому, что только что произошло, и меня тошнит. Слова Пророка вызывают у меня отвращение, но, кажется, никто больше не чувствует ненависти и женоненавистничества, исходящих от него. Никто, кроме Адама. Он хмурится, глядя на отца. Он забыл себя, позволил своей маске послушания соскользнуть. Облегчение – слишком расплывчатое слово для того, что охватывает меня, когда я вижу неприкрытую ненависть в глазах Адама.

Убедившись, что толпа завелась, Пророк переходит к обсуждению ночи рождения Христа и звезды, которая привела к Нему мудрецов. Это пустая проповедь после его призывов ненавидеть кого-либо за пределами этих стен. Но Адам, кажется, расслабляется.

Я бросаю взгляд направо. Место Сары пусто. Почему они так долго держат ее в доме священника? Я могу предположить, что она подверглась таким же пыткам, как и я. Меня охватывает дрожь, когда я чувствую призрачное прикосновение постоянно капающей воды. Я так сильно сжимаю руки, что суставы белеют, и я беру себя в руки. Сара, мне нужно сосредоточиться на ней. Может, Честити знает, что происходит?

По окончании рождественской проповеди Девы встают и выходят в одну из боковых дверей. Дети из хора слоняются по широкому коридору, играют в догонялки и разговаривают друг с другом словами, понятными только малышам. Пророк вылетает из-за кулис и хватает первого попавшегося ребенка, поднимает мальчика и обнимает его.

– Как ты сегодня, Элиас?

Мальчик, не старше трех лет, корчится и хихикает, когда Пророк щекочет его.

Адам стоит на верхней ступенек, молчаливый ястреб.

Я не могу не смотреть на любопытную сцену, разворачивающуюся передо мной. Кажется, что Пророк искренне заботится о детях. Он ставит Элиаса на землю, затем становится на колени, чтобы поговорить с маленькой блондинкой, ее темные глаза широко раскрываются, когда он вынимает из кармана конфету и протягивает ей.

– Что нужно сказать? – подсказывает Сестра.

– Спасибо. – Она прижимает конфету к груди, а Пророк целует ее в лоб. Я смотрю на Адама. Его каменное лицо ничего не выражает, но он наблюдает за мной так же внимательно, как и за своим отцом.

Я смотрю в длинный коридор, где прихожане выходят из святилища. Ни дети не бегут навстречу родителям, ни родители не подходят, чтобы забрать своих малышек. Только Пророк, приветствующий каждого ребенка по имени. У меня пересыхает во рту, подозрение усиливается, и я вспоминаю, как Адам говорил мне, что есть судьба похуже, чем быть отправленным в часовню.

– Иди. – Дева толкает меня вперед, и Сестры уводят нас от Пророка и моих мрачных теорий.

Глава 8

Адам.

Непрерывный стук молотков наполняет утренний воздух. Груды поддонов и дров стоят наготове в центре поляны, и строительство павильонов по обе стороны костра почти завершено.

Тони подходит к нему с дымящимся термосом в руке.

– Хочешь немного?

– Нет, спасибо. – Я скрещиваю руки и смотрю, как появляются последние штрихи – кресты на фасаде каждого павильона, стулья и скамейки, расставленные аккуратными рядами на деревянных полах, много места для Небесной толпы. На мгновение я задаюсь вопросом, смогу ли я залить все это бензином, чтобы они вспыхнули вместе с костром. С другой стороны, несмотря на их неуместную веру, большинство прихожан не заслуживают такой участи. Я обращаю взор на самую богатую из всех построек. Вот хорошее место, которое стоит поджарить. Здесь себеРуфься Пророк и все его главные приспешники. Я хмурюсь. Далила тоже будет там. И Ной. И, если мой отец чувствует себя особенно жестоким, моя мать. Казалось бы, прекрасная возможность нанести удар, но мой отец будет окружен Защитниками и головорезами. Он не оставит мою мать без присмотра.

– Сэр? – Тони хмурится. Очевидно, он что-то говорил.

– Что?

– Я как раз сказал, что мы заканчиваем. И я могу убедиться, что все готово. Если у вас, знаете ли, есть дела поважнее, тогда я могу...

– Пытаешься избавиться от меня, Тони?

Он делает шаг назад:

– Нет-нет, сэр. Я просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.